
О. В. АКСЕНОВА

ИЛЛЮЗИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Данная статья посвящена анализу экологической модернизации, которая интерпретируется как технократическая тенденция в проэкологических трансформациях общества, заменяющих его социокультурные элементы технологиями. Рассматриваются последствия экомодернизации, в том числе стандартизация процесса принятия решений, упрощение рефлексии и сведение ее к оценке эффективности управления и т. п. Вводится понятие экологического комфорта как цели современного экологического управления, заменяющей цель минимизации экологического риска. Обосновывается необходимость поиска альтернативных вариантов проэкологического развития общества и альтернативных моделей экологического управления. Продемонстрированы возможности их выявления на примере анализа стратегии советской индустриализации, которая строилась на фундаментальной науке и допускала значительную степень свободы принятия профессиональных решений.

Ключевые слова: *экологическая модернизация, экологический риск, технология, экологический комфорт, экологическое управление, индустриальное общество, постмодерн, рефлексия, альтернативное развитие, актер, агент.*

События последних месяцев заставляют нас вернуться к результатам исследований экологической модернизации на Западе и в России, осуществлявшихся с 1993 по 2005 г.¹ Эти исследования охватили период интенсивных проэкологических трансформаций в социально-экономическом развитии западных стран и глобализацию этого процесса в начале нового столетия. Однако катастрофа на атомной станции «Фукусима-1» в Японии, совпавшая по време-

¹ Исследования проводились сотрудниками Сектора изучения социокультурного развития регионов России Института социологии РАН. Их результаты представлены в монографии (Халий 2006), диссертации на соискание степени кандидата социологических наук (Аксенова 2002) и в целом ряде статей, опубликованных в российских и зарубежных изданиях.

ни с началом бомбардировок Ливии, и (что не менее важно) отсутствие широкого обсуждения экологических последствий происходящего ставят под сомнение реальность изменений установок и ценностей современного общества, а также эффективность национальной и глобальной стратегии экологического управления.

Отметим, что согласно теории всеобщего риска У. Бека (2000) и концепции системной аварии Ч. Перроу (Perrow 1984) катастрофические сбои в функционировании сложных систем неизбежны и непредсказуемы, а усилия, направленные на их предотвращение, ведут лишь к возрастанию риска вследствие повышения уровня технологической сложности. Однако в случае с «Фукусимой-1» станции были вполне сознательно размещены проектировщиками в зоне потенциального удара цунами и, что еще более значимо, функционировали в течение сорока лет, то есть включая тот период, когда Япония, как и Нидерланды, стала лидером экологической модернизации.

Возвращение к теме уже проведенного автором исследования (Аксенова 2002) продиктовано также и новыми данными, полученными при изучении действующего субъекта в сфере управления СССР (в том числе в атомной энергетике), которая по умолчанию считалась антиэкологической и неререфлексивной. Советский Союз не был идеалом в природоохранной политике, однако интервью с профессионалами и управленцами, анализ мемуаров и документов показывают, что в стране формировалась стратегия размещения опасных объектов, ориентированная на минимизацию рисков в большей степени, нежели та, которая использовалась в Японии.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы скорректировать направления анализа экологической модернизации и оценку ее перспектив на Западе и в России в связи с новыми (и вновь открывшимися) обстоятельствами. Главным вопросом является реальность самого предмета исследования, иными словами, действительно ли произошла проэкологическая переориентация развития современного индустриального (постиндустриального) общества или экомодернизация есть форма, скрывающая совсем другое содержание, а возможно, и симулякр, вовсе такового не имеющий.

Экомодернизация на Западе: минимизация риска или экологический комфорт?

Термином «экомодернизация» в западной социологии принято обозначать целый ряд различных, хотя и взаимосвязанных, процессов и явлений (изменения в установках и ценностях населения, стратегию государственной экологической политики и экомеджмента в корпорациях, появление так называемого «зеленого рынка» и др.), а также теоретическую концепцию, интерпретирующую их (Mol 1995; 2001).

Экологическая модернизация является, с одной стороны, реакцией современного общества на экологический риск, который приобрел характер всеобщего и непредсказуемого, с другой – ответом власти и бизнеса на растущее давление экологического движения и популярность идей альтернативного общественного развития, которые занимают центральное место в экологическом дискурсе 1970–1980-х гг.

Согласно концепции экомодернизации сущностью данного процесса является «экономизация экологии» и наоборот («экологизация экономики»), то есть превращение экологических ограничений в источники получения дополнительной прибыли, например за счет экономии сырья и материалов, расширения спроса на экологически чистые или произведенные экологически чистым способом товары. В результате рыночная экономика становится, как утверждается, экологически ориентированной. Необходимость в поиске иных путей развития общества, связанная с экологически опасным функционированием рыночных механизмов, исчезает, следовательно, исчезает и необходимость в деятельности экологического движения в качестве главного критика современного общественного устройства. Если не пользоваться эвфемизмами (рыночная экономика, модернизи, постмодернити, информационное общество и пр.), то речь идет о признании капитализма как единственно возможного экологически приемлемого пути развития.

Очевидность наличия определенных проэкологических преобразований сомнений не вызывала. Институциональные трансформации экологической политики и управления, начавшиеся в развитых индустриальных странах в 1990-е гг., легко детектируемы и могут рассматриваться как непосредственно данный, то есть

не требующий научного обоснования, факт. Более того, в последние десятилетия прошлого века произошло ощутимое снижение загрязнений в крупных городах и некоторые из них стали выглядеть едва ли не райской идиллией единения человека и природы. Кролики на трамвайных путях Амстердама, косули, приходящие к кафе и ресторанам маленьких голландских городков, создают впечатление полной победы процесса экологизации экономики.

Очевидной в данном случае является достаточно высокая степень комфорта, который можно обозначить как экологический. Но сокращение экологического риска при этом неочевидно, так как оно и не может быть видимым, данным в ощущениях процессом. В этой связи одним из основных подходов к его изучению является институциональная концепция. В результате минимизация риска оценивается по уровню ее институционализации в формальных и неформальных нормах и правилах, в формировании сети структур, занятых сокращением экологического риска, и т. п. При этом связь между структурами, правилами (институтами) и уровнем экологической опасности также неочевидна и вряд ли доказуема.

Тем не менее наши исследования показали, что суть процессов экологической модернизации заключается не столько в возникновении экономической заинтересованности компаний в охране среды, сколько в формировании сложной и гибкой системы институтов экологического менеджмента. Управляющим центром этой системы является государство, однако она в значительной степени децентрализована, включает в себя саморегулирование компаний и деятельность неправительственных организаций.

Экономические и социальные акторы становятся функциональными элементами системы экологического управления, действия которых диктуются не их интересами или ценностями, но программами, стандартами и инструкциями. Саморегулирование в данной системе не тождественно самоорганизации. Оно полностью построено на четко и детально прописанных (и предписанных) пошаговых инструкциях, стандартах и нормах и не предполагает колебаний и отступлений от достаточно жестко заданной технологии (Mol 1995; Аксенова 2002).

Экологическая модернизация технократична, а главное, технологична по своей сути, что отмечалось социологами уже в середине

1990-х гг. (Lash *et al.* 1996). Более того, она выводит технологию за рамки менеджерских схем чистого производства, распространяя ее на деятельность экологического движения. В результате рефлексия редуцируется до менеджерской оценки последствий и планирования. Роль экологического движения сведена к обслуживанию модернизации, которая в результате не подлежит сомнению и критике. Альтернативные версии развития общества оказываются на периферии экологического дискурса, а их носители маргинализуются. Общество фактически лишилось критического взгляда на самое себя, критического анализа и оценки своего развития.

По сути, экологическая модернизация есть лишь одна из составляющих процесса, который Жак Эллюль интерпретировал как «колонизацию технологией» всех сфер общественной жизни (Ellul 1980). Технологическая система основана на высоком разделении труда, узкой специализации ее субъектов. Категория рефлексии в этой связи может использоваться лишь условно, кроме того, эта рефлексия бинарна, полностью лишена диалектики и максимально приближена к программированию.

Экологическая модернизация укладывается также и в концепцию «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы (2004). Общество нашло оптимальный способ взаимодействия с природой, размышление о его вариантах закончено, нужно лишь четко выполнять предписанные функции и обеспечивать экологическую безопасность работы предприятий, систем жизнеобеспечения и глобальных потоков.

Одной из основных проблем сокращения экологического риска является противоречие, зафиксированное Ч. Перроу, между потребностью в субъекте-функции, действия которого жестко детерминированы, и необходимостью принимать нестандартные, выходящие за рамки инструкций решения в непредусмотренной ситуации (Perrow 1984). Данную дихотомию можно интерпретировать как противоречие между агентом и актором. Экологическая модернизация пытается разрешить его усложнением и умножением правил, что призвано, как предполагается, увеличить гибкость системы и ее способность реагировать на экстремальные события.

Мы полагали, что в урбанизированных зонах, где уровень экологического риска очень высок, а последствия экологических инцидентов (загрязнения, аварий и пр.) могут быть катастрофиче-

скими, экологическая модернизация действительно эффективна. Крупный бизнес в городской среде является частью сложнейшей индустриальной системы, на него оказывают давление экоНПО, местные жители и власти, он встроен в сеть взаимосвязанных коммуникаций, процессов, обеспечивающих жизнеобеспечение города. Это многократно повышает производимый им риск и одновременно превращает предприятие в жестко контролируемый функциональный элемент системы городского управления, в том числе экологического (Халий 2006). Как отмечалось выше, странами, в которых экологическая модернизация считалась наиболее развитой, признаны Нидерланды и Япония, что легко объяснялось высокой степенью их технологического развития и значительным уровнем экологического риска.

Однако строительство атомных станций и их функционирование в зоне возможного катастрофического цунами в течение сорока лет опровергают данный вывод, подтверждая неизменность приоритета экономических интересов, а точнее, силу обезличенной «самовозрастающей стоимости» и ограниченные возможности контроля со стороны не менее обезличенной, механистической системы экологического управления.

Недостаток информации в СМИ об аварии на АЭС и о ходе работ по ликвидации ее последствий также заставляет усомниться в успехе экологической модернизации. Участники форумов в Интернете по крупицам собирают информацию о происходящем на станции. На ее недостаток жалуются даже на сайтах и форумах сторонников атомной энергетики². Отметим, что острый дефицит информации возник в обществе, которое уже давно интерпретируется как информационное и открытое. Но в данном случае отсутствие информации и прозрачности противоречит основным принципам экомодернизации как экополитической стратегии. Следует особо подчеркнуть, что обсуждения атомной катастрофы в Интернете носят преимущественно технический, а не экологический характер. Экологические последствия бомбардировок Ливии не обсуждаются вовсе, несмотря на информацию об использовании силами НАТО боеголовок с обедненным ураном.

² Atominfo.ru – независимый атомный информационно-аналитический сайт. URL: <http://forum.atominfo.ru/index.php?s=9ae6f1a48eb088b1d1f715772ea745fd&showtopic=575&st=6420>

Основываясь на вышеперечисленном, можно сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, экомодернизационные трансформации вполне реальны, но не всеобъемлющи. Их результатом является не столько снижение экологического риска, сколько создание своего рода экологического комфорта для жизни в индустриальных зонах: потребления, основанного на уверенности потребителя в безопасности того или иного продукта или в безопасности проживания рядом с объектом высокого риска. То есть технологии чистого производства в большей мере оказались средством конструирования ощущения безопасности, чем средством минимизации экологического риска.

Признание экомодернизации как единственно возможного пути проэкологического развития, равно как и бесспорность современного общественного устройства привели к практически полному, невероятному еще двадцать лет назад игнорированию медленно текущей атомной катастрофы и такому же равнодушию по отношению к войне глобального сообщества против маленькой страны и ее экологическим последствиям.

Более того, экологическая модернизация оказалась непригодной и для осмысления непосредственно технических и технологических проблем, когда они выходят за рамки стандартов и предписаний. В результате «конец истории» может обернуться концом человека как биологического вида, так как альтернативы нет, а постмодернити не способна справиться с экологическими катастрофами.

Минимизация экологического риска в СССР: человеческий фактор

В России исторически сложилась модель индустриализации, основанная на совершенно иных принципах устройства профессионально-управленческой сферы и, что самое главное, ее технологической составляющей. Стратегия советской индустриализации строилась на фундаментальной науке, которая, по убеждению ее авторов и участников, была главным двигателем прогресса. В этой модели технология вторична, так как является производной от науки.

Специализация и высокое разделение труда, неизбежные и необходимые в современном обществе, постоянно компенсируются максимально возможным универсализмом, позволяющим сохранять взгляд субъекта управления (или профессионала) на объект своей деятельности в целом. Сами действия основываются в большей

степени на фундаментальном образовании и приобретенном опыте, чем на нормах и правилах. Важность последних не отрицается, но они носят скорее ограничительный характер, устанавливая рамки, внутри которых остается достаточно широкое поле для свободы действий. Пошаговая инструкция западного типа в этой традиции отсутствует (либо не выполняется).

Противоречие между агентом и актором решается в пользу актора. Управление было и остается сферой действующего субъекта, независимого и самостоятельного в принятии профессиональных решений. Даже в советское время жесткая централизация была в значительной мере видимостью. Причины данного явления требуют дополнительного исследования, можно лишь предположить, что расстояния, инфраструктура, менее развитая, чем на Западе (в том числе по вполне объективным, связанным с природными условиями обстоятельствам), природное и социокультурное разнообразие российских территорий не позволяют все предусмотреть и осуществлять контроль из центра.

В результате советский профессионал получал самые широкие полномочия и весьма обобщенно, при этом не всегда четко, сформулированную цель. Он должен был принимать самостоятельные решения, уметь действовать в ситуации, которую невозможно заранее предугадать и определить. В этой связи особую роль приобретает образование, позволяющее получать новые знания и осваивать новые технологии, а значит, в достаточной степени (и объеме) фундаментальное. Кроме того, важными оказываются ценности субъекта, которые в западном менеджменте практически не играют сколь-либо существенной роли (за исключением установок выполнять правила и следовать инструкциям): ценность профессии как своего дела, которое должно быть максимально творческим; самостоятельность в работе и независимость в принятии решений; требование отстаивать собственные убеждения (и решения); ответственность за результаты, за коллег и др.

В отличие от западного профессионала советский специалист был ориентирован на работу не по стандартам и на нарушение правил, если задача, которую ему приходится решать, в эти правила и стандарты не укладывается. Очевидно, что субъектов, следующих всему перечисленному, не могло быть много. Их массовое воспроизводство невозможно, хотя система образования и культурная традиция ориентированы на воспитание именно такой лич-

ности. Практически все интервью наших респондентов – это рассказы о противостоянии, конфликте, об отстаивании своих решений.

В то же время количество акторов было достаточным для того, чтобы обеспечить модернизацию, в том числе и экологическую, которая нередко была связана именно с экологическими проблемами и необходимостью минимизации экологического риска. Именно так формировалась советская стратегия размещения АЭС, которая содержит достаточно жесткие ограничения, не позволяющие строить станции в зонах потенциальных природных катаклизмов.

Рассмотрим подробнее пример появления нормы, запрещающей размещение АЭС в «активной зоне» реки, то есть в зоне наводнений и паводков. Он выбран из длительной и малоизвестной истории экологического управления в СССР, так как позволяет проанализировать ситуацию, практически аналогичную японской, но со счастливым концом.

В 1966 г. группа советских инженеров участвовала в выборе места для АЭС в Венгрии и обнаружила, что площадка, на которой уже начали строительство, расположена в затопляемой зоне Дуная. Анализ исторических источников показал, что на реке случаются катастрофические наводнения. Специалисты отказались согласовывать выбранное место строительства, несмотря на то, что проектный институт, который они представляли, оставил эту площадку в числе приоритетных. Результатом был конфликт с венгерскими коллегами и соответствующим отделом ЦК коммунистической партии страны, при этом московское руководство полностью устранилось от какого-либо участия в этом противостоянии.

Судьба станции, а главное – жизнь и здоровье значительного числа жителей Венгрии (и не только) зависела от действий небольшой группы молодых инженеров, которым хватило воли и характера отстоять свой выбор: «Дебаты продолжались, но мы стояли на своем. В результате было принято наше предложение. Писать об этом сейчас просто, а тогда это стоило нам дорого. Потом запрет на строительство АЭС на затопляемых в паводок землях мы внесли в нормы по выбору площадок для строительства АЭС» (Лаленко 2010: 150–152). Катастрофическое наводнение на Дунае случилось в конце 1980-х гг., но атомной станции у реки не было.

Данная история наглядно демонстрирует различные подходы к технологическому развитию, к модернизации, включая модернизацию экологическую. Ключевым отличием является то, что ее российская (советская) модель предусматривает полноценную, нередуцированную рефлексию в профессионально-управленческой сфере, она строится на акторе, способном к критическому осмыслению происходящего и принятию альтернативных решений в связи с технологическими процессами, что исключено в (эко)модернизации западной.

Вместо заключения

Утрата современным обществом способности критического осмысления самого себя и, как следствие, прекращение поиска путей альтернативного развития может привести к катастрофическим последствиям, в первую очередь – экологическим. Экологическая модернизация не просто ограничена, недостаточно эффективно минимизирует риски и не может полностью вписаться в процесс самовозрастания стоимости или успешно ему противостоять. Она оказалась опасной сама по себе, так как ликвидирует субъекта, способного думать и действовать, редуцирует рефлексию практически до уровня компьютерной программы. Экологический комфорт в этих условиях создает иллюзию безопасности, которая лишь усугубляет угрозу катастрофы. В итоге экомодернизация (в особенности на глобальном уровне) разрушает самое себя, экологический комфорт в конечном счете ликвидирует прозрачность и информационную открытость, а экологическое движение, практически встроенное в систему управления, уже не может этому противостоять.

Поиск альтернативы, в том числе и в сфере экологической политики и управления, неизбежен, и он не должен быть умозрительным, ориентированным на изобретение искусственных схем. В этой связи анализ российской (советской) акторской модернизации приобретает особое значение, так как она была (и все еще остается) реально действующей моделью развития, сохраняющей одновременно и рефлексию, и ее носителя. Возможно, она требовала совершенствования, а не замены.

Несомненно, западная технологическая система (включая ее экомодернизационную составляющую), основанная на высоком

разделении труда и на действиях агента-функции, экономически выгодна и на первый взгляд надежна. Обучение людей простым правилам (включая экологические) неизмеримо проще и дешевле, чем фундаментальное образование. Кроме того, она минимизирует действие опасного человеческого фактора: агент, следующий пошаговой инструкции, надежнее непредсказуемого героя. Проблема в том, что это верно лишь для несуществующих условий полностью предсказуемого развития общества и стерильной природы, в которой нет цунами, землетрясений и прочих опасных и неожиданных явлений.

Литература

Аксенова, О. В. 2002. *Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России*: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: ИС РАН.

Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну* / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция.

Лаленко, Л. С. (ред.) 2010. *Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ*. М.: Астрель.

Фукуяма, Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.

Халий, И. А. (отв. ред.) 2006. *Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения*. М.: ИС РАН.

Lash, S., Szerszynsky, B., Wynne, B. (eds.). 1996. *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage/TCS.

Ellul, J. 1980. *The Technological System* / transl. by J. Neugroschel. N. Y.: Continuum.

Mol, A. P. J.

1995. *The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry*. Utrecht: Van Arkel.

2001. *Globalization and Environmental Reform: the Ecological Modernization of the Global Economy*. Cambridge, MA; London: The MID Press.

Perrow, Ch. 1984. *Normal Accidents. Living with High-risk Technologies*. Princeton: Basic Books.